

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПОСЛОВИЧНОМ ДИСКУРСЕ

М.А. Kul'kova

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC PORTRAIT OF INDIRECT SPEECH ACTS IN THE DISCOURSE OF PROVERBS

В настоящей статье рассматривается феномен косвенных речевых актов в коммуникативно-прагматическом аспекте. Особое внимание уделяется проблеме интерпретации косвенных речевых актов в провербиальном пространстве русского и немецкого языков, исследуются способы реализации стратегии намека в паремиях, выделяется тактика последовательной активизации референциального и коммуникативного подтекстов.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, стратегия намека, тактика последовательной активизации референциального и коммуникативного подтекстов, референциальное имплицитное содержание паремии, провербиальное пространство.

In the present article a phenomenon of indirect speech acts in communicative and pragmatic aspect is under consideration. Special attention is given to interpretation of indirect speech acts in the proverbial area of the Russian and German languages. The ways of realization of allusion strategy in proverbs are analyzed. The tactics of sequential activation of referential and communicative subtexts is singled out.

Key words: indirect speech act, allusion strategy, tactics of sequential activation of referential and communicative subtexts, referential implicit contents of proverb, proverbial area.

Косвенные речевые акты (далее КРА) занимают в пословичной системе особое место ввиду неоднозначности их интерпретации, обусловленной усложненной структурой данного типа высказываний. Они по праву могут быть квалифицированы как конситуативные высказывания с незамещенными смысловыми позициями [1], поскольку вербализацию находит не все смысловое содержание, а только его часть; другая его часть присутствует в высказывании имплицитно и позволяет себя обнаружить лишь благодаря конситуации. Именно конситуация дополняет значение предложения недостающим коммуникативным смыслом, раскрывает прагматические особенности употребления КРА в речи и определяет иллокутивное направление высказывания.

Неоднозначность толкования КРА объясняется несовпадением формальных и содержательных способов представления императивной семантики в тексте пословицы, вследствие чего возникает проблема интерпретирования интенционального рисунка высказывания, адекватного коммуникативным целям отправителя информации. Задача интерпретатора осложнена отсутствием формальных показателей иллокуции речевого акта (РА), а также многоуровневой семантико-прагматической структурой косвенного высказывания, в котором прагматический смысл заключен в зоне дальней, глубинной прагматической перспективы высказывания. В зоне ближней, или поверхностной, прагматической перспективы находится репрезентативная иллокуция. В частности, сложность трактования превентивов может быть объяснена неоднородным характером превентивной информации, которая может выражать различные смысловые оттенки предостережения: предупреждение, опасение, напоминание, напутствие, наставление [2], [3]. Интенция совета также обнаруживает некоторые нюансы в речевом контексте: утешение, ободрение, наставление и т.д. Наличие множества оттенков прагматических интенций совета, предостережения, а также некатегоричный характер рассматриваемых коммуникативных ситуаций обуславливают избирательность в выборе коммуникативных тактик и языкового воплощения стратегии намека, выступающей в качестве ведущей коммуникативной стратегии в косвенных высказываниях пословичного дискурса.

Квалифицируя ситуация намека, Кобозева И.М. и Н.И. Лауфер выявили следующие свойства, характеризующие КРА: интенциональность, вербальность, косвенность, обоснованность, выводимость и нетривиальность [4]. Следовательно, намек представляет косвенное выражение некой интенции, выводимость которой возможна лишь нетривиальным способом. Продуцент намеренно выбирает данный тип высказывания, поскольку он не хочет либо не может выразить свои намерения напрямую [5].

Репрезентативные РА в роли предостережений и советов являются частым явлением в текстах русских и немецких пословиц, что свидетельствует об эффективном использовании КРА в народной паремиологии, об универсализации приемов передачи косвенного смысла в сопоставляемых языках. Высокую частотность употребления КРА Маслова А.Ю. справедливо объясняет их емкостью, экономностью, повышением этикетности речевого общения, способностью создавать эмоциональный эффект [6].

Феномен косвенности коррелирует с теорией речевого этикета, отводящей принципу соблюдения вежливости в целях формирования социально комфортного климата общения особое внимание [7]. Таким образом, речевой этикет, составляющий «важный элемент всякой национальной культуры» [8], выступает в качестве необходимого условия для успешного функционирования РА, обеспечивает адекватность его восприятия и определяет конвенциональные способы выражения тех или иных интенций. Согласно одному из правил ведения речи для говорящего, сформулированному Н.И. Формановской, «говорящему предписывается, осуществляя доброжелательность, проявлять уместную в данной ситуации общения ... вежливость. ...Необходимо стараться смягчать свою речь, снимать излишнюю категоричность» [9].

В рамках устранения эпистемической лакуарности, благодаря КРА адресанту, удастся избежать прямых директивных высказываний (например, РА наказа и запрета с императивными формами глагола), излишне категоричных по своей иллокутивной силе, в пользу менее категоричных высказываний с косвенной императивностью, направленных на установление благоприятной атмосферы общения. Благодаря косвенным высказываниям, привлечение внимания к теме сообщения осуществляется без принуждения. Экспликация скрытого смысла происходит с опорой на фоновые знания реципиента, а также контекст речевого общения [10].

В КРА пословичного дискурса косвенный смысл паремии мотивируется буквальным значением высказывания [11]. Как отмечает А.С. Кравец, в КРА «мы имеем дело с запланированным отклонением, которое является маркером первичной, т.е. подлинной, цели речевого акта» [12].

Рассматривая реализацию тактических приемов стратегии намека в пословичном дискурсе, следует выделить *тактику последовательной активизации референциального и коммуникативного подтекстов*. Как отмечает К.А. Долинин, «подтекст, или «имплицитная «добавка» к языковому значению», – «это не только дополнительные сведения о референтном пространстве, но и информация о самом коммуникативном акте ...» [13]. В процессе актуализации пословицы референциальное содержание высказывания реализует иллюзию информирования, а коммуникативное содержание может выражать различные интенции: совет, утешение, предостережение, упрек и т.п. Мощный экспрессивный эффект подобных паремий достигается за счет семантического расстояния между буквальным значением текста и коммуникативным подтекстом.

Указанная тактика предполагает следующую прагматическую пресуппозицию адресата: «Я знаю, что данное высказывание имеет косвенный смысл, вытекающий из референциального значения предложения. Я готов вывести косвенный смысл с целью получения прагматической информации». Именно прагматические пресуппозиции адресата играют важную роль в порождении и интерпретировании КРА, представляя предпосылку вариативности значения речевых актов. Например, РА предостережения: «*Нет розы без шипов*» – «*Keine Rose ohne Dornen*»; РА утешения: «*Не боги горшки обжигают*» – «*Es ist noch kein Meister vom Himmel gefallen*»; РА упрека: «*Стоячая вода гниет*» – «*Gebrauchter Pflug blinkt, stehend Wasser stinkt*»; РА совета: «*Смелость города берет*» – «*Dem Mutigen gehört die Welt*»; РА отговаривания, разубеждения: «*Всему свое время*» – «*Alles zu seiner Zeit*» и т.д. В данных высказываниях адресат сталкивается с проблемой трансформации значения пословицы дважды: 1)

семантическая трансформация высказывания – перевод буквального значения предложения в косвенное (выведение референциального подтекста); 2) прагматическая трансформация – выведение прагматически значимого смысла, заключающегося, как правило, в корректировании поведения (выведение прагматического подтекста). Таким образом, помимо импликации семантической информации наблюдается присутствие прагматически значимого смысла, или импликатуры по Г.П. Грайсу, являющейся в разговорной речи «над-пропозициональной смычкой между репликами» [14].

Так, известная пословица «*Нет розы без шипов*» содержит следующее референциальное имплицитное содержание паремии (РИСП): 1) роза – кустарниковое растение с красивыми крупными цветками и со стеблем; 2) данному растению свойственно наличие шипов на стебле; 3) всякая роза обладает шипами, следовательно, прикосновение к ней может вызвать неприятные, болевые ощущения, можно пораниться; 4) подобно тому, как всем розам свойственно наличие шипов, всему привлекательному присущи негативные черты, отрицательные стороны. Прагматический смысл данной паремии в условиях соответствующего контекста может сводиться к предостережению адресата от возможных разочарований, нанесения ему моральных и физических травм, предупреждению приобретения негативного опыта общения с конкретным объектом и т.д.

В исследуемых русских и немецких КРА пословичного дискурса наблюдаются различные языковые способы отражения РИСП. Были выявлены как сходства («*Капля камень точит*» – «*Steter Tropfen höhlt den Stein*»; «*Бедность – не порок*» – «*Armut ist keine Schande*»; «*Беда не приходит одна*» – «*Ein Missgeschick kommt nicht allein*»; «*Паршивая овца все стадо портит*» – «*Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an*» и др.), так и различия в оформлении КРА. Расхождения затрагивают лексико-грамматический уровень паремии в различных способах проявления. Например, в ряде русских РА предостережения были зафиксированы

отрицательные конструкции «не + V», «не + Inf», в то же время в немецких паремиях отмечается замена негированных сочетаний на иные конструкции: «Худые вести **не лежат** на месте» – «*Die schlechten Nachrichten haben Flügel*»; «Ломать **не строить**» – «*Zerstören ist leichter leichter als aufbauen*»; «Дыма без огня **не бывает**» – «*Wo Rauch ist, ist auch Feuer*».

В некоторых русских пословицах со значением упрека было отмечено использование краткой формы прилагательных в качестве предиката, в отличие от эквивалентных немецких пословиц, в которых было зарегистрировано применение личной формы полнозначных глаголов: «Запретный плод **сладок**» – «*Verbotene Früchte schmecken am besten*»; «Дурной пример **заразителен**» – «*Böse Beispiele verderben die Sitten*»; «Сытое брюхо к ученью **глухо**» – «*Ein voller Bauch studiert nicht gern*».

В русских РА предостережения и совета могут также использоваться сложносочиненные предложения, а также простые предложения с однородными предикатами с союзами *а*, *да*, в то время как в немецких паремиях эквивалентные РА находят оформление в виде простых двусоставных предложений: «Добрая слава на месте **лежит**, а худая по свету **бежит**» – «*Die schlechten Nachrichten haben Flügel*»; «Ум **хорошо**, а два **лучше**» – «*Vier Augen sehen besser als zwei*»; «Конь о четырех ногах, **да спотыкается**» – «*Auch der beste Gaul stolpert manchmal*».

Однако и при совпадении формальных признаков могут наблюдаться расхождения в актантных и предикативных способах представления информации в паремиях сопоставляемых языков, что объясняется национально-культурными особенностями русского и немецкого лингвокультурных обществ. Ср.: «Москва **не сразу строилась**» – «*Rom ist nicht an einem Tag erbaut worden*»; «Ложка дегтя **портит бочку меда**» – «*Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei*»; «Не все кому **масленица**» – «*Es ist nicht alle Tage Sonntag*»; «Терпенье и труд **все перетрут**» – «*Mühe und Fleiß bricht alles Eis*».

В провербиальном пространстве наблюдается варьирование степени ослабленности референциального значения. Рассматриваемая тактика последовательной активизации референциального и коммуникативного подтекстов в большей степени находит реализацию в пословицах с наиболее высокой степенью активизации референциального значения, в которых мы наблюдаем одновременную активизацию двух семантических планов, или когнитивных уровней – прямого и переносного значений. Задача адресата сводится к переключению прямого значения на переносное, возникает «скользящий эффект», возможный благодаря присутствию в пословице образного плана. В случае с наиболее употребительными пословицами процесс переключения когнитивных уровней происходит гораздо быстрее в связи с частым преодолением когнитивно-прагматического барьера между различными семантическими планами, «при этом пословица воспринимается как целостный знак и значение ее компонентов и отношение между ними не играют роли в процессе коммуникации» [15]. В некоторых случаях возможно использование конструкций с незамещенными синтаксическими позициями, свойственные разговорной речи. Ср. употребление пословиц с опущением сразу нескольких компонентов: «*В тихом омуте ...*» вместо «*В тихом омуте черти водятся*»; «*Под лежащий камень ...*» вместо «*Под лежащий камень вода не течет*»; «*Яблоко от яблони ...*» вместо «*Яблоко от яблони не далеко падает*» и др.

Таким образом, анализ русских и немецких пословичных изречений показал, что интенциональная сфера пословиц, косвенным образом реализующих императивную семантику, отличается широкими возможностями «приложения» к различным коммуникативным ситуациям. Наложение коммуникативных смыслов на референциальное значение рассмотренных паремий стимулирует работу сложных когнитивных механизмов интерпретации пословиц.

Примечания

1. *Ширяев, Е.Н.* Синтаксис [Текст] / Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. – С. 191-192.
2. *Маслова, А.Ю.* Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) [Текст] / А.Ю. Маслова. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. – С. 18.
3. *Кленина, Ю.С.* Превентив: семантика и способы выражения [Текст] / Ю.С. Кленина. Дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2003. – С. 13.
4. *Кобозева, И.М.* Об одном способе косвенного информирования [Текст] / Кобозева, И.М., Лауфер Н.И. // Изв. АН СССР. СЛЯ. Том 47. №5. М.: Наука, 1988. – С. 463-465.
5. *Хоанг, Фэ.* Семантика высказывания [Текст] / Фэ Хоанг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – С. 399.
6. *Маслова, А.Ю.* Специфика косвенного выражения побуждения [Текст] / А.Ю. Маслова // Филологические науки. М.: МГУ, 2007. № 6. – С. 58.
7. *Серль, Дж.Р.* Косвенные речевые акты [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 201, 205.
8. *Формановская, Н.И.* Речевой этикет и культура общения [Текст] / Н.И. Формановская. М.: Высшая школа, 1989. – С. 151.
9. *Формановская, Н.И.* Речевой этикет и культура общения [Текст] / Н.И. Формановская. М.: Высшая школа, 1989. – С. 19.
10. *Серль, Дж.Р.* Косвенные речевые акты [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 197.
11. *Шатуновский И.Б.* 6 способов косвенного выражения смысла [Текст] / И.Б. Шатуновский // Семантика и прагматика языковых единиц. Калуга, 2004. – С. 262-274.
12. *Кравец, А.С.* Логика смысла [Текст] / А.С. Кравец // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004. № 2. – С. 21.
13. *Долинин, К.А.* Интерпретация текста. Французский язык [Текст] / К.А. Долинин. Изд. 3-е. М.: изд-во ЛКИ, 2007. – С. 46.
14. *Дранко, В.В.* Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод: интерпретация косвенных вопросов [Текст] / В.В. Дранко // Вестник ПСТГУ: Филология, 2006. Вып. III: 2. – С. 199.
15. *Иванова, Е.В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) [Текст] / Е.В. Иванова. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. – С. 93.